

Файвишу Аронесу – актёру кино и государственных еврейских театров Харькова, Минска, Белорусской еврейской студии в Москве, Биробиджана, узнику ГУЛАГа с 1949 года. Реабилитирован 14 сентября 1956 года. И его жене Берте (Белле) Аронес – певице Ленинградской капеллы под управлением Мильнера, исполнительнице еврейских песен, а также песен народов СССР, участнице фронтовых концертных бригад во время войны с фашистами.

1

Умирают актёры на сцене,
чтобы в жизни не умирать.
Умирают без смерти и тлена,
сотни раз и в сто первый опять.
А затем режиссура иная.
И премьера наоборот.
Не подмостки от края до края,
а из трупов живых эшафот.
– Роль желаете? Вот вам на выбор:
врач-убийца, космополит.
Жребий брошен. И жребий выпал.
В главной роли опять будет жид.
И давили его – на выжим,
и ломили его – в разгром.
Но, однако, он снова выжил,
ибо новый приспел погром.

2

Строке не дано познать
кровавую изморозь пули.
Не время вновь умирать,
хоть ВРЕМЯ опять в разгуле.
Из ржавых винтовок – вдогон,
из-за горизонта ГУЛАГа,
палят нержавеющей страхом,
палят из лагерных зон.
Строке не дано познать
кровавую изморозь пули.
Какие хребты согнули,
прежде, чем их сломать!
В каждой судьбе века –
сон мёртвого, боль живого.
А мимо течёт строка,
записывая всё слово в слово.
Строке не дано познать
кровавую изморозь пули.
Провидцы опять уснули.
Проснутся ль? Не будем гадать.

Слепые ведут слепых
 путями слепой надежды.
 Им светит слепая звезда,
 своим ослеплённая светом.
 Но сколько в пути не плутай,
 окажешься в небе нездешнем –
 наедине с душой своей,
 дыханием Божьим согретой.
 О, Господи! Предвосхити
 летопись жизни и смерти.
 О, Господи! Пощади!
 Избавь нас от этого зная.
 Часы живых, прошу,
 с часами мёртвых сверьте.
 И вслушайтесь, и вслушайтесь
 в их слитное звучанье.

На смытой киноплёнке –
 кадры дождевые,
 но всё же различимы –
 присмотришь:
 Путевой обходчик
 сошёл с колеи.
 Теперь ищут его
 в придорожных кустах.
 А он в том временном
 отрезке Земли,
 где надёжнее слов,
 чем «режь!» и «коли!»
 не найти,
 коль гложет смертельный страх.
 Справа – враг, слева – друг,
 чуть подальше – стукач.
 А душа в самоволку рвётся –
 домой.
 Но домой – ни ногой!
 И ни шагу назад.
 Стой! Стой! Стой!
 И не плачь!
 А ведь он – путевой обходчик.
 Ему
 не стоять,
 а ходить – не сходить с колеи.
 Однако: «Ни шагу назад!»
 «Режь – коли, режь – коли!»
 Никакого движенья,
 а уходишь во тьму
 где всё кувырком:
 морг – гром,

мод – дом,
гол – лог,
год – дог,
му – ум,
мук – кум.

5

Сотворение мира, жизнь по спирали.
Те же ошибки на каждом витке.
Сколько бы память нам не стирали,
с прошлым по-прежнему накоротке.
Вроде бы детство. Но где ностальгия?
Мечется бедная – зонт не найти.
Дождь бесконечный, струи тугие,
очередь к хлебу, и с ней по пути
год и другой, дальше – третий и пятый,
жизнь подминается склочной толпой.
Зомбируют разум: лишь те виноваты,
кто прежде вели вас вперёд за собой.

6

Ева родилась из ребра Адама.
По тому же закону мощи
из собственной кости
породят
неисчислимое воинство
людей,
оживлённых
для Страшного Суда.
И каждый живой
позавидует мёртвому.
Мёртвые
позавидуют живым,
ибо восстали из тлена
для земных – запоздалых –
судилищ.
Чудно будет им думать –
мёртвым среди живых:
«Как медленно движется
судопроизводство
на этой, лучшей –
по схваченному при жизни мнению –
планете».
Живые
будут тыкать пальцами
в мёртвых.
И вопить:
«За что же их?
За что же?
Тысячу лет назад –
да! – были они виноваты.
Но сегодня?»

Сейчас?
У них даже кости усохли!
За что же?
Ни кожи! Ни рожи!»
И если в ответ
небеса – ни гу-гу,
эти, живые,
тут же – в дугу:
«Кому послабление?
Кому погребенье?
Им?
Нас объедят!
Нам?
Так устроим победный парад.
Боже, послушай,
и дай нам ответ.
Готовы
ответа ждать тысячу лет.
Готовы
и впредь не ходить на суды.
А их убери от нашей еды.
У них
ни мозгов и ни рыла.
У них
вместо совести мыло.
А мы – их потомки –
считай нас детьми.
Наш бронепоезд,
на новом пути».

7

Что отличает человека
от братьев его меньших?
Право выбора.
А, значит, и умение
видеть в зеркале лжи
свою правду –
видеть-распознавать...
Это дано человеку
с первого дня
осознания смыслов.
Но после первого дня
был второй.
После второго –
третий.
Но сегодня суббота
переходит в воскресенье.
А завтра воскресенье
переходит в понедельник,
тяжелый похмельный день.
Но мы ещё живы...
Живы мы...
И это всегда...